

ТЕХНИКА и практика

УЛУЧШЕННЫЙ РЮКЗАК

Рюкзаки, выпускаемые фабрикой «Турист», сильно устарели. Их недостатки:

1. Крепление лямок находится в одной точке. Это самая ответственная деталь рюкзака, — на нее приходится почти вся тяжесть груза, часто достигающего до 35 кг. Материя в месте крепления лямок вытягивается, рвется, и рюкзак быстро выходит из строя.

2. Большое напряжение испытывают ремни верхнего клапана и самый клапан, который подчас не выдерживает и рвется.

3. При малой загруженности дно рюкзака, ничем не поддерживаемое, отвисает и мешает ходьбе.

Все эти недостатки устранены в предлагаемой конструкции (можно переделать и обычный рюкзак).

Крепления лямок находятся не в одной точке, а расположены на расстоянии 10 см в верхней кромке рюкзака, в месте крепления верхнего клапана.

Сквозь люверсы (см. рисунок) с внутренней стороны продевается длинный, узкий, сыромятный ремень с металлическим кольцом на конце (длина ремня — в зависимости от размера рюкзака).

Обхватив кольцо на ляжке, ремень возвращается в люверс и проходит сквозь люверсы шнуровки, рассчитанные так, что на каждую сторону их приходится поровну.

Затем ремень проходит сквозь металлическое кольцо у люверса и идет по рюкзаку между карманами к металлическим петлям, пришитым к наружным углам дна. Крепление ремня к кольцам см. на рисунке.

Что дает предлагаемая конструкция?

1. Крепление лямок в двух точках способствует более плотному положению рюкзака на спине.

2. Ремни, служащие креплением лямок, одновременно затягивают рюкзак и избавляют от шнурков и веревок, часто путающихся и мешающих быстро открыть рюкзак.

3. Ремни, проходящие сквозь металли-

ческие кольца у люверсов и идущие к дну, равномерно распределяют нагрузку по рюкзаку, одновременно поддерживая его снизу.

4. Верхний клапан не несет нагрузки.

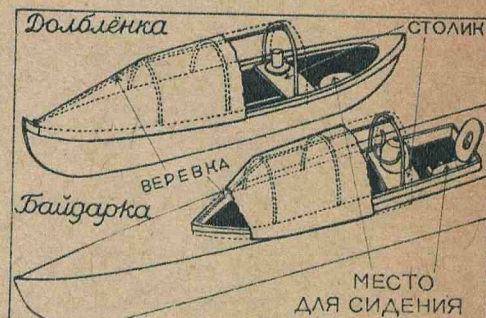
5. Ремни, идущие поверх рюкзака, позволяют помещать под них всевозможный мягкий груз (спальные мешки, палатки, куртки и т. п.).

Если ремни окажутся короткими, их можно всегда надставить, имея в запасе небольшие ремешки.

Приведенная конструкция была практически проверена в путешествии по Южному Уралу на протяжении 300 км. Вес рюкзака доходил до 37 кг.

К. Сергеев

НАВЕС НАД ЛОДКОЙ

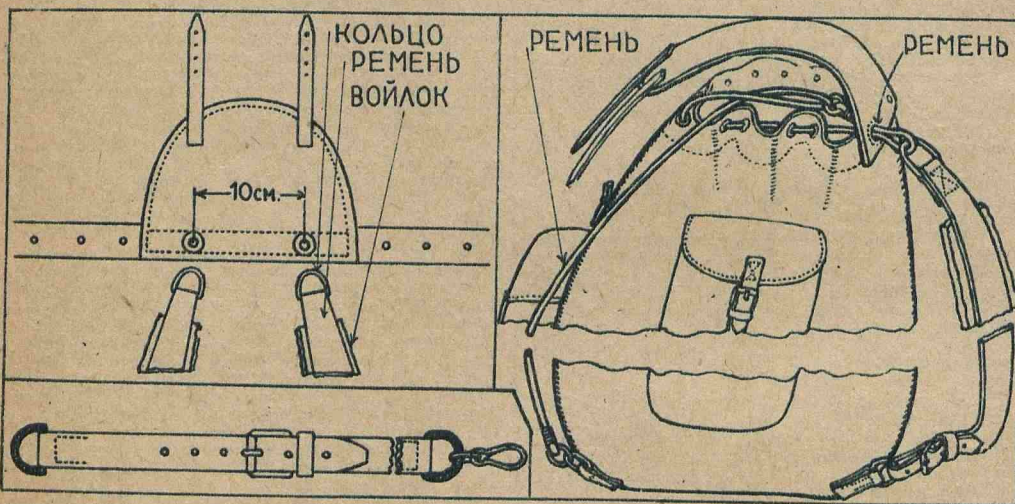

В ненастье при отсутствии пригодных для ночных стоянок мест можно устраивать на различных типах туристского судна навесы от дождя. Даже байдарка может быть превращена в уютное и комфортабельное судно.

В дюбленке перед сиденьем кормчего делается столик для еды во время вахты, держания планшета маршрута и т. д. К носу выстилается настил и устраивается постель. В носовой части располагается продовольствие. К бортам лодки прибиваются 3—4 дуги из ивняка; они соединяются и растягиваются веревкой; после этого сверху накладывается полотно и прикрепляется по краям.

Байдарка оборудуется по тому же принципу, что и дюбленка, причем спальное место располагается от мидльшпангоута к носу («Клепер — 1928 г.»).

С. Николаев

Трофеи в одной лодке

НЕ СЧИТАЙ СОВАКИ

(Окончание, см. стр. 20—21)

Мы сказали, что вчера тоже была хорошая погода. Затем мы сообщили друг другу, что завтра, вероятно, тоже будет хорошая погода. Джордж сказал, что хлеба, кажется, всходит недурно.

Потом каким-то образом всплыло, что мы чужие в этих местах и уезжаем завтра утром.

После этого в разговоре наступила пауза. Мы расселись оглядывали комнату, и наши глаза остановились на старом пыльном стеклянном ящике, висевшем очень высоко над каминным. В ящике лежала форель. Эта форель прямо-таки обворожила меня, — это была совершенно чудовищная рыба. С первого взгляда я даже принял ее за треску.

— А, — сказал старый джентльмен, следя за направлением моего взгляда. — Замечательный экземпляр, не правда ли?

— Совершенно необычайный!.. — пробормотал я, а Джордж спросил старика, сколько эта рыба, по его мнению, весит.

— Восемнадцать фунтов и шесть унций, — ответил старик, поднимаясь и снимая пиджак. — Да, — продолжал он, — третьего числа следующего месяца будет шестнадцать лет, как я ее вытащил. Я поймал ее на уклеечку у самого моста. Мне сказали, что она плавает в реке, и я сказал, что поймаю ее, и поймал. Теперь вы, я думаю, увидите здесь немного таких рыб. Спокойной ночи, джентльмены, спокойной ночи.

И он вышел, оставив нас одних. Мы не могли отвести глаз от этой рыбы. Рыба действительно была замечательная. Мы все еще глядели на нее, когда в комнату вошел только что подъехавший к трактиру местный извозчик с кружкой пива в руке и тоже посмотрел на рыбу.

— Ирядная форель, правда? — сказал Джордж, поворачиваясь к нему.

— Да, сэр, это про нее вполне можно сказать, — ответил извозчик и, отхлебнув глоток

пива, прибавил: — Может быть, вас здесь не было, сэр, когда ее поймали?

— Нет, — ответили мы ему. — Мы здесь чужие.

— Ах, вот как! — сказал извозчик. — Ну, тогда вы, конечно, не можете знать. Вот уже без малого пять лет, как я поймал эту рыбу.

— Как! Разве это вы ее поймали? — спросил я.

— Да, — ответил добродушно старик. — Я поймал ее у самого шлюза (тогда здесь еще был шлюз) как-то после обеда, в пятницу. И самое удивительное — я поймал ее на муху. Я собирался ловить шук, право слово, и даже и не думал о форелях, и когда я увидел на конце удочки эту громадину, то, ей-богу, совсем ошалел. В ней оказалось двадцать шесть фунтов! Знаете? До свиданья, джентльмены, до свиданья.

Через пять минут вошел третий человек и рассказал, как он поймал эту форель на червяка, и ушел. Потом появился какой-то невозмутимый, серьезный ла вид джентльмен средних лет и сел у окна.

Некоторое время мы молчали. Наконец, Джордж обратился к пришедшему:

— Простите, пожалуйста... Надеюсь, вы извините, что мы, совершенно чужие в этих краях люди, позволяем себе такую смелость... Но я и мой приятель были бы вам чрезвычайно обязаны, если бы вы рассказали, как вам удалось поймать эту форель.

— Но кто же вам сказал, что это я поймал ее? — последовал удивленный вопрос.

Мы ответили, что никто нам этого не говорил, но мы инстинктивно чувствуем, что это сделал именно он.

— Удивительная вещь, — со смехом воскликнул важный джентльмен, — совершенно удивительная! Вы действительно угадали. Я в самом деле поймал ее. Но как вам удалось это узнать? Право, удивительно! В высшей степени удивительно!

И он рассказал нам, как целые полчаса тащил эту рыбу и как она сломала удилище. Придя домой, он тщательно ее взвесил, и стрелка показала тридцать шесть фунтов.

После этого он тоже удалился, и когда он

ушел, к нам заглянул хозяин трактира. Мы рассказали ему все, что слышали об этой форели, и это очень его позабавило. Мы все от души хохотали.

— Неужели Джим Бэйтс, Джо Маггльс, мистер Диконс и старый Билли Маундерс говорили вам, что они ее поймали? Ха, ха, ха!

И он рассказал нам историю об этой форели. Оказалось, что это он поймал ее много лет назад, когда был еще совсем мальчишкой. Ему помогло не искусство, не умение, а то непонятное счастье, которое, кажется, всегда подкидывает шалуна, удивляющего из школы, чтобы поудить в солнечный день на веревочку, привязанную к ветке.

Он говорил, что, принеся домой эту форель, избавился от вздорной порки и что даже школьный учитель сказал, что такая форель стоит тройного правила и урока чистописания, вместе взятых.

В эту минуту трактирщик вызвали из комнаты, и мы с Джорджем снова обратили взоры на форель.

Это, правда, была удивительная рыба. Чем больше мы смотрели на нее, тем больше изумлялись.

Джордж до того заинтересовался ею, что влез на спинку стула, чтобы посмотреть на нее поближе. И вдруг стул отодвинулся, и Джордж изо всех сил впился в ящик, чтобы удержаться, и ящик полетел вниз вместе со стулом и Джорджем.

— Рыба! Ты не испортил рыбу? — испуганно крикнул я, бросаясь к Джорджу.

— Надеюсь, что нет, — сказал Джордж и осторожно поднялся.

Но он все же испортил рыбу. Форель лежала перед нами, разбитая на тысячу кусков (я говорю — тысячу, но, может быть, их было и девятьсот, я не считал). Нам показались странным и непонятным, что чудело форели разбилось на такие маленькие кусочки.

Это действительно было бы странно и непонятно, будь перед нами настоящее чудело форели. Но это было не так.

Форель была гипсована!